

РУССКАЯ МОРСКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 44

Декабрь 1937 г.

№ 44

КАПИТАНЪ 1 РАНГА М. Ю. ГАРШИНЪ

Королева Эллиновъ

**ОЛЬГА
КОНСТАНТИНОВНА**



ПРАГА 1937



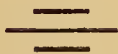


Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

КАПИТАНЪ 1 РАНГА М. Ю. ГАРШИНЪ

Королева Эллиновъ

Ольга Константиновна



ПРАГА 1937

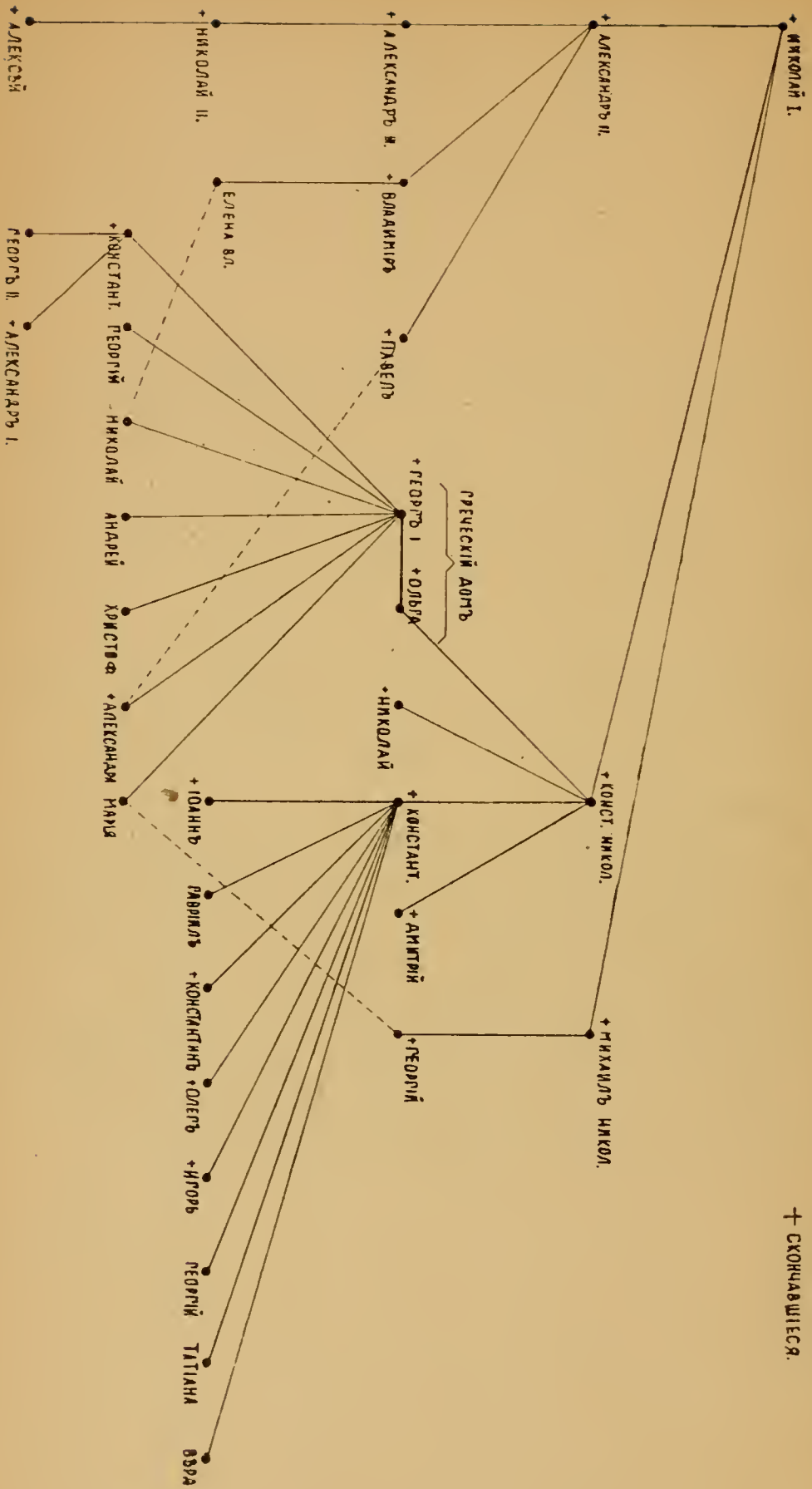
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящіе очерки а) о послѣднихъ годахъ страдальческой жизни покойной Королевы Эллиновъ ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ, прахъ которой только недавно, послѣ 10-лѣтняго пребыванія въ Италіи, перевезенъ, наконецъ, на мѣсто постояннаго упокоенія въ Грецію, и б) объ отношеніи покойной Королевы къ Русскому Императорскому Флоту — написаны Ея бывшимъ секретаремъ, русскимъ морскимъ офицеромъ, на основаніи личныхъ къ нему писемъ Королевы; переписка эта продолжалась на протяженіи 20-ти лѣтъ, причеиъ Королева писала Своему секретарю, даже находясь съ нимъ въ томъ же городѣ, дѣлясь Своими мыслями, переживаніями и впечатлѣніями.

По личнымъ письмамъ Королевы можно судить о выдающемся высокоиъ духовномъ обликѣ этой удивительной русской женщины, имя которой окружено благоговѣніемъ нашего Флота и всѣхъ людей, которые имѣли счастье хоть немного знать этого по-истинѣ святого человека.

Помѣщая описаніе послѣднихъ 13 лѣтъ страдальческой жизни Королевы, мы надѣемся въ будущемъ дать болѣе подробный обликъ Ея. Именно такими людьми и строилось величіе нашей Родины, нынѣ поверженной въ прахъ.

Редакція.



----- БЛАЧУКЫЙ СОЮЗЪ.
 + СКОУЧАВШІСЯ.

Королева Эллиновъ Ольга Константиновна (1851-1926).

(Краткія свѣдѣнія).

Покойная Королева Ольга Константиновна родилась въ Павловскѣ 21 августа 1851 года. Отецъ Ея — Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ Генераль-Адмираломъ Русскаго Флота и ближайшимъ помощникомъ своего брата Императора Александра II Освободителя въ благодѣтельныхъ для русскаго народа реформахъ; Королева была родной внучкой Императора Николая I.

Отъ отца — одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своей эпохи, Великая Кн. Ольга Константиновна унаслѣдовала любовь къ Родинѣ, къ ея народу и Флоту. Съ малыхъ лѣтъ Она отличалась глубокой вѣрой въ Бога, рѣдкой добротой и простотой и искренностью въ обращеніи съ людьми.

16 лѣтъ отъ роду Она вышла замужъ за Короля Греческаго Георгія, родного брата Императрицы Маріи Феодоровны, матери Императора Николая II. Всю жизнь Королева прожила въ Греціи, ежегодно пріѣзжая въ Россію на нѣскольکو мѣсяцевъ.

Въ 1913 году Ея мужъ, Король Георгій I, былъ убитъ психически-ненормальнымъ человѣкомъ въ Салоникахъ во время Балканской войны. На греческій престолъ вступилъ Ея сынъ Король Константинъ I.

Ея второй сынъ, королевичъ Георгій, служилъ офицеромъ въ русскомъ флотѣ и во время путешествія Наслѣдника Николая Александровича на Дальній Востокъ сопровождалъ Его. Во время покушенія въ Японіи королевичъ Георгій спасъ будущаго Государя отъ смерти, отшвырнувъ палкой убійцу, когда тотъ намѣревался нанести саблей второй ударъ.

Третій сынъ Королевы, Николай, женатъ на Вел. Кн. Еленѣ Владиміровнѣ.

Дочь Королевы Александра Георгіевна была въ замужествѣ за Вел. Кн. Павломъ Александровичемъ, впоследствии разстрѣлянномъ большевиками, но умерла въ молодыхъ лѣтахъ; отъ этого брака было двое дѣтей: Вел. Кн. Дмитрій Павловичъ и Вел. Кн. Марія Павловна. Вторая ея дочь Марія Георгіевна была въ замужествѣ за Вел. Кн. Георгіемъ Михайловичемъ, тоже убитомъ большевиками.

Извѣстный поэтъ „К. Р.“ — Вел. Князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Академіи Наукъ и Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, одинъ изъ гуманнѣйшихъ людей своего времени, приходился Королевѣ роднымъ братомъ. Его дѣти — Князья: Іоаннъ, Константинъ и Игорь Константиновичи разстрѣляны въ Алапаевскѣ во время революціи, а Кн. Олегъ убитъ во время Великой войны.

Королева Эллиновъ Ольга Константиновна состояла Шефомъ 12-го и 2-го Флотскихъ экипажей, а позднѣе Шефомъ крейсера „Адмиралъ Макаровъ“. Въ Петроградѣ, по Ея почину, выстроенъ храмъ-памятникъ морякамъ, погибшимъ въ Русско-Японскую войну.

Въ 1914 г. Она поѣхала въ Россію, какъ дѣлала это ежегодно, но началась война, затѣмъ революція, заставившія Королеву вмѣсто обычныхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ прожить на Родинѣ около 5 лѣтъ. Вырвавшись съ трудомъ изъ совѣтской Россіи, гдѣ Ей пришлось много перенести, Она нѣсколько лѣтъ прожила въ Западной Европѣ, потомъ короткое время въ Греціи, куда былъ призванъ народомъ вторично на престолъ Ея сынъ, затѣмъ опять послѣдовало изгнаніе, и въ 1925 году Королева скончалась въ Римѣ. 10 лѣтъ спустя Ея прахъ, погребенный временно въ Италіи, былъ перевезенъ на мѣсто постояннаго упокоенія въ Грецію Ея внукомъ Королемъ Георгіемъ II.

Первая статья настоящей брошюры и излагаетъ исторію послѣднихъ 13 лѣтъ трагической жизни этой удивительной Русской женщины.

М. Г.

Королева-страдалица.

„Я не была бы въ состояніи и не хотѣла бы жить на землѣ, не принадлежа къ Православной Церкви. Я не могу, не хочу Себѣ представить Себя не русской и не православной — я только этимъ и горжусь на землѣ“.

(Изъ письма Королевы 31 марта 1907 г.).

Рѣдко на чью долю выпадало столько тяжкихъ страданій и несчастій, какъ на долю покойной Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны за послѣдніе годы Ея жизни.

Во время Балканской войны Она все время находилась вмѣстѣ со Своимъ покойнымъ мужемъ Королемъ Георгомъ Греческимъ въ Салоникахъ, отдавая все Свое время заботамъ о раненыхъ и объѣзжая госпитали и лазареты на фронтѣ. 4 марта 1913 года Она прибыла на короткое время въ Афины, а на слѣдующій день, въ Ея отсутствіе, въ Салоникахъ палъ отъ руки убійцы Ея мужъ, Король. Въ тотъ же день Королева на русской канонерской лодкѣ „Уралецъ“ вышла въ Салоники, куда прибыла 7-го. 10-го марта тѣло Короля было перевезено на королевской яхтѣ „Амфитрида“, сопровождаемой иностранными военными судами, въ Афины, гдѣ вскорѣ состоялись похороны Короля, на которыя прибылъ изъ Россіи представителемъ Государя Императора братъ Королевы Вел. Кн. Дмитрій Константиновичъ. Этотъ пріѣздъ былъ большимъ утѣшеніемъ для Королевы въ Ея тяжкомъ горѣ. Трагическая смерть Короля Георга, съ которымъ Королева прожила около 50 лѣтъ, была

для Нея первымъ ударомъ въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ другихъ несчастій и тяжелыхъ испытаній, одно за другимъ преслѣдовавшихъ Ольгу Константиновну до послѣдняго дня ея многострадальной жизни...

Въ 1913 году Королева на русской канонерской лодкѣ „Уралецъ“ отправилась въ августѣ изъ Афинъ въ Триестъ, оттуда въ Линдау (Баварія) навѣстить Своего стараго друга принцессу Терезу Баварскую, затѣмъ въ Либенштейнъ къ доктору Визеръ лѣчить свои слабѣющіе глаза и, наконецъ, въ сентябрѣ пріѣхала въ С.-Петербургъ. Въ Россіи, какъ всегда, Она жила то въ Павловскѣ у Своего брата Вел. Князя Константина Константиновича, то въ Стрѣльнѣ — у другого брата, Вел. Кн. Дмитрія Константиновича, то въ Петроградѣ, въ Мраморномъ Дворцѣ. Въ октябрѣ Она навѣстила въ Москвѣ Вел. Кн. Елизавету Феодоровну, съ которой была въ большой дружбѣ, а въ ноябрѣ поѣхала въ Крымъ, въ Хараксъ, къ своей дочери Вел. Кн. Маріи Георгіевнѣ и ея мужу Георгію Михайловичу, посѣтила въ Ливадіи Царскую Семью и 30 ноября вышла изъ Ялты на яхтѣ „Алмазь“, предоставленной Ей Государемъ, въ Грецію, гдѣ прожила до середины апрѣля слѣдующаго, 1914, года то въ Афинахъ, то въ королевскомъ имѣніи Татоѣ, сдѣлавъ за это время поѣздку (въ январѣ) на короткое время въ Египетъ, въ Ассуанъ, гдѣ лѣчился Ея братъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ.

Въ 1914 г., въ апрѣлѣ, Она опять была вынуждена поѣхать въ Германію (Либенштейнъ) для лѣченія глазъ, опять 2 недѣли гостила у принцессы Терезы и съѣздила въ Лондонъ навѣстить своихъ англійскихъ родственниковъ.

Въ Англіи Ея обычная тоска по Россіи усилилась; вотъ что Она писала своему секретарю изъ Лондона:

„Лондонъ замѣчательно красивъ — и чисто, и порядокъ образцовый, очень много зелени, но хотѣ-

лось бы быть въ деревнѣ; охъ, какъ меня тянетъ въ Россію... Богъ дастъ, я теперь скоро тамъ буду“ (17.VI.1914).

„Меня нестерпимо тянетъ въ Россію, довольно я живу за границей, долѣе — это не втерпежъ“ (24.VI.14).

„Мнѣ больше не сидится на мѣстѣ, такъ хочется въ Россію“ (25.IV.14).

Королева какъ бы предчувствовала, что эта поездка на Родину будетъ послѣдней. Наконецъ, въ началѣ іюля Ея мечта исполнилась — Она пріѣхала въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько дней началась война...

Королева, жившая у своего брата Вел. Кн. Константина Константиновича въ Мраморномъ Дворцѣ, немедленно переѣхала въ Стрѣльну, гдѣ вмѣстѣ съ Вел. Кн. Дмитриемъ Константиновичемъ открыла небольшой лазаретъ для раненыхъ на 20 человекъ и складъ; работа въ лазаретѣ и въ складѣ всецѣло поглотила Ее.

Одновременно вся семья „Константиновичей“ на свои средства организовала „летучій лазаретъ Мраморнаго Дворца“, который былъ отправленъ на фронтъ; въ составѣ этого лазарета, въ качествѣ сестеръ милосердія, поѣхали: внучка Королевы Вел. Кн. Марія Павловна младшая и кн. Елена Петровна, жена кн. Іоанна Константиновича, племянника Королевы. Лазаретъ этотъ обслуживалъ гвардейскій корпусъ и въ одно изъ наступленій германцевъ чуть не попалъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ составомъ. Изъ „Константиновичей“ на фронтъ отправились племянники Королевы князя: Іоаннъ (л.-гв. Коннаго полка), Константинъ (л.-гв. Измайловскаго полка), Гавріиль, Олегъ и Игорь (л.-гв. Гусарскаго п.), мужъ кн. Татьяны Константиновны кн. Багратіонъ-Мухранскій (л.-гв. Кавалергардскаго п.) и родной внукъ Королевы Вел. Кн. Дмитрій Павловичъ.

Сношенія съ Греціей, гдѣ осталась вся семья Ольги Константиновны, почти прекратились и Королева мѣсяцами не имѣла отъ своихъ дѣтей извѣстій, что естественно причиняло Ей большія огорченія, тѣмъ болѣе, что въ Греціи начались политическія волненія. Постоянныя волненія отъ получаемыхъ извѣстій съ войны, тревога за своихъ близкихъ, бывшихъ на фронтѣ, отсутствіе извѣстій отъ своихъ дѣтей изъ Греціи, страданія за родину — все это очень волновало Ольгу Константиновну, которая въ это тяжкое время находила утѣшеніе въ религіи и усиленной работѣ въ лазаретѣ.

„Только бы эта бойня, потому что теперешнія войны — бойни, кончилась поскорѣе...“, писала Она своему секретарю (1.VIII.14).

Такъ, въ постоянныхъ тревогахъ и работѣ, прошелъ для Королевы первый годъ войны. Слѣдующій, 1915 годъ принесъ ей много тяжелаго горя и огорченій: въ январѣ, въ Павловскѣ, сильно заболѣлъ Ея братъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ; затѣмъ на фронтѣ былъ смертельно раненъ и скончался Ея племянникъ кн. Олегъ Константиновичъ; потомъ, въ концѣ мая, былъ убитъ кн. Багратіонъ, мужъ племянницы, и, наконецъ, 2-го іюня скончался Ея братъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ. Послѣ этого ряда потерь Королева переѣхала въ Павловскъ, гдѣ открыла свой лазаретъ для раненыхъ и пріютъ для увѣчныхъ воиновъ въ память своего почившаго брата, цѣликомъ отдавшись работѣ, которая давала Ей утѣшеніе въ Ея несчастіяхъ. Одновременно Она выдержала экзаменъ и получила званіе сестры милосердія. Не будемъ описывать Ея трудовъ на этомъ поприщѣ, вотъ что Она сама говоритъ въ своихъ письмахъ своему секретарю:

„Я каждый день провожу въ лазаретѣ, перевязываю и наслаждаюсь: болтаю съ моими милыми

солдатыками и мы большіе друзья...” (3.IV.15).

„Время, которое я провожу въ лазаретѣ среди раненыхъ солдатъ — истинное для меня утѣшеніе и успокоеніе...” (30.VI.15).

„Въ лазаретѣ Я чувствую себя совсѣмъ въ своей стихіи и на время забываю свои горести...” (19.VI.15).

„Я добросовѣстно провожу время ежедневно въ лазаретѣ, перевязываю, держу руки и ноги и бѣдную раненую голову во время перевязки врачемъ; страшно люблю это дѣло и Мнѣ такъ отрадно сознавать, что и Я дѣлаю одну миллионную частицу общаго русскаго женскаго дѣла; а солдатики такіе удивительно хорошіе...” (21.IV.15).

Насколько Королева добросовѣстно относилась къ дѣлу ухода за ранеными, показываютъ слѣдующія Ея слова:

„Я рѣшила ни на единственныи день не оставлять работу въ лазаретѣ до окончанія войны...” (1.VII.15).

Когда въ іюнѣ Ее пригласила Вел. Кн. Елизавета Феодоровна пріѣхать погостить въ Москву, Ольга Константиновна отказалась.

„Я раздумала ѣхать къ Елизаветѣ Феодоровнѣ и написала Ей объ этомъ; дѣло въ томъ, что Я не могу пакинуть Мой лазаретъ и работу въ немъ; ужъ если взялась за какое бы то ни было дѣло, не годится его бросать, особенно во время войны, и ѣздитъ по визитамъ, гоститъ у своихъ близкихъ. Императрица Марія Феодоровна звала Меня погостить у Нея и Я отказалась по вышеприведенной причинѣ”. (30.VI.15).

Приведемъ письмо, характеризующее отношеніе Королевы къ дѣлу ухода за ранеными. Вотъ какъ описываетъ она прибытіе въ Павловскъ раненыхъ:

„Былъ телефонъ, что поѣздъ съ ранеными опоздалъ и что раненыхъ намъ доставятъ въ полночь; какъ это глупо, отчего бы не дать имъ спокойно

провести ночь въ поѣздѣ и выгрузить ихъ утромъ... я вернулась изъ лазарета домой въ 9 час. вечера, чтобы въ полночь опять ѣхать въ лазаретъ. Около 11 час. я прикурнула и около часу ночи опять отправилась въ лазаретъ, куда, наконецъ, стали привозить раненыхъ, очень тяжелыхъ, всѣхъ на носилкахъ, продрогшихъ и измученныхъ тряской по дорогѣ. Вернулась я домой въ 4 часа утра; спала меньше 5 часовъ и чувствую нѣкоторое одуреніе“. (20.VII.15).

Изъ приведенныхъ отрывковъ письма мы видимъ, сколько любви, труда, твердости, самоограниченія проявляла эта удивительная русская женщина. Иногда и у Нея вырывался крикъ отчаянія, но глубокая вѣра въ Бога давала Ей успокоеніе и силы:

„Я старая и жизнь моя разбита, но я не унываю, потому что въ моей душѣ живетъ твердая вѣра въ то, что намъ обѣщаль Спаситель нашъ“, пишетъ Она 12.VI.16.

Такъ въ непрерывныхъ трудахъ на пользу раненыхъ прошелъ для Королевы 1916 годъ и наступилъ ужасный для Россіи 1917 годъ — годъ революціи...

Революція застала Королеву въ Павловскѣ. Встрѣтила Она ее наружно довольно спокойно, что можно объяснить глубокой вѣрой и надеждой на Бога и работой, которой Она отдалась цѣликомъ, а также вѣрой въ благоразуміе русскаго народа. Въ Павловскѣ быстро распространилась вѣсть о безпорядкахъ въ столицѣ; 1-го марта, узнавъ, что въ Петроградѣ были кровавыя столкновенія на улицахъ, княгиня Елена Петровна, супруга племянника Королевы кн. Іоанна Константиновича, вызвала по телефону Царскосельскій Дворецъ, чтобы справиться о здоровьѣ больныхъ Наслѣдника и Великихъ Княженъ; къ телефону подошла сама Императрица и сказала, что всѣ Ея дочери, кромѣ Маріи, лежатъ и состояніе ихъ довольно серьезно... но, прибавила Государыня, Ее больше всего

волнуетъ отсутствіе свѣдѣній о Государѣ. Ошеломленная этимъ извѣстіемъ, кн. Елена Павловна сейчасъ же пошла къ Королевѣ и рассказала Ей свой разговоръ съ Императрицей, и обѣ онѣ рѣшили немедленно же ѣхать въ Царское Село и предоставить себя въ распоряженіе Царицы.

Подѣхавъ къ Царскосельскому Дворцу, онѣ увидѣли, что надъ нимъ уже не развѣвается, какъ обычно, Императорскій Штандартъ, что охрана разоружена и ходитъ съ бѣлыми повязками на рукавахъ. Императрица встрѣтила Королеву и кн. Елену Петровну очень ласково и рассказала имъ о здоровьѣ Своихъ дѣтей и о томъ, что Она — одна въ этомъ огромномъ дворцѣ, такъ какъ войска охраны покидаютъ свои мѣста и переходятъ на сторону возставшихъ; затѣмъ, сообщила, что не имѣетъ никакихъ извѣстій отъ Государя и что Она послала Ему письмо съ флигель-адъютантомъ Линевичемъ, приказавъ ему ѣхать на паровозѣ, но его по дорогѣ арестовали...

Послѣ отреченія Государя отъ Престола (2.III.17) Временное Правительство черезъ ген. Корнилова объявило Императрицѣ объ Ея арестѣ (8.III) и съ этого времени было прервано сообщеніе съ Царскосельскимъ дворцомъ какъ по телефону, такъ и иными путями, и Королева лишена была возможности даже справляться о здоровьѣ Царственныхъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ Царское Село вернулся изъ Ставки отрешившійся Государь...

Съ первыхъ дней революціи въ Павловскѣ, впрочемъ, какъ и вездѣ, стало очень безпокойно, начались волненія въ Павловскомъ гарнизонѣ, митинги, шествія; были попытки захватить дворецъ; среди дворцовой прислуги нѣкоторые оказались полубольшевиками; сообщеніе съ Петроградомъ было затруднено; усилилась тревога за всѣхъ своихъ близкихъ; во дворецѣ являлись съ обысками; одинъ разъ толпа хотѣла со-

рвать греческій королевскій флагъ, поднятый надъ дворцомъ; но, несмотря на все это, Королева усиленно продолжала свою обычную работу въ лазаретѣ.

15 марта Временное Правительство издало декретъ о конфискаціи имуществъ всѣхъ членовъ Дома Романовыхъ; у Королевы былъ конфискованъ Ея „приданный капиталъ“, данный Ей отъ Россіи полстолѣтія тому назадъ при выходѣ Ея замужъ, но Королева стоически перенесла и эту матеріальную потерю, хотя условія Ея жизни сильно ухудшились*).

Конечно, все происходящее въ Россіи сильно волновало Королеву, такъ горячо любившую свою Родину. На предложенія секретаря уѣхать за границу или куда нибудь на югъ Россіи, гдѣ еще было спокойно, Королева категорически отказалась:

„Я не понимаю такой вѣры въ Бога, которая не поддерживаетъ, не утѣшаетъ и не укрѣпляетъ насъ въ тяжкія времена; если мы можемъ все знать и все предвидѣть и отворачивать сами опасности, то на что намъ Богъ“, писала Она 3.VII.17 въ отвѣтъ на эти предложенія; Она часто говорила, что, *„когда Родина въ опасности, грѣхъ покидать ее“.*

Глубоко скорбя по поводу всего происходящаго въ Россіи, Королева отъ всей души радовалась всякому успѣху: когда, наконецъ, въ іюль 1917 г., русская армія перешла въ наступленіе и имѣла частичный успѣхъ, то это наполнило душу Королевы большой радостью и надеждой:

„Слава и благодареніе Господу, что наша дорогая армія такъ великолѣпно наступаетъ, несмотря

*) Впослѣдствіе секретарь Ея послѣ долгихъ хлопотъ добился возврата этого капитала, какъ отнятаго совершенно незаконно, ибо капиталъ былъ въ свое время данъ Королевѣ по договору съ Греціей, но при большевикахъ всѣ 0/00 бумажки были аннулированы, и Королева лишилась всего своего достоянія.

на то, что не щадили усилий ее развратить; надо надѣяться, что и сѣверный фронтъ послѣдуетъ примѣру южнаго“ (3.VII.17).

Ненавидя всегда политику, Королева, чтобы имѣть понятіе о происходящихъ событіяхъ, стала болѣе усиленно читать газеты и еще болѣе страдала отъ вычитанныхъ извѣстій. Дѣйствія Вр. Правительства возмущали Ее до глубины души:

„Романовы лишены права избирательства въ Учредительное Собраніе — произволь и тиранія во имя свободы... Читаю поганья газеты, порчу глаза и кровь, но узнаю изъ нихъ пакости, изъ которыхъ состоитъ наша жизнь“ (20.VII.17).

„Все испортили, все изгадили, и все, что было хорошо, разрушили и ничѣмъ не въ состояніи замѣнить; вездѣ отчаянная разруха; меня всю переворачиваетъ, когда читаю газеты“... (26.VII.17).

Въ концѣ іюля въ газетахъ появились извѣстія о намѣреніи Вр. Правительства „разгрузить“ Петроградъ и окрестности отъ жителей и эвакуировать лазареты; это очень взволновало и обезпокоило Королеву. Ко всему еще прибавились новыя тревоги за свой лазаретъ:

„Теперь изъ Петрограда (Хамъ-Бурга) хотятъ выселить какъ можно больше жителей; вдругъ мой лазаретъ выселятъ — куда его пошлютъ и будетъ ли для меня, старухи, мѣсто тамъ, куда его пошлютъ. Оставаться безъ лазарета, ничего не дѣлать и не помогать милымъ больнымъ солдатикамъ будетъ грустно и еще гораздо будетъ тяжелѣе переносить всѣ невзгоды — этотъ лазаретъ все Мнѣ облегчалъ“ (26.VII.17).

„Ничего еще не рѣшено Вр. Правительствомъ, что будутъ ли выселять лазареты или нѣтъ — какъ всегда, словоизверженій безъ конца, а дѣйствій никакихъ...“ (7.VIII.17).

Единственнымъ отдыхомъ и утѣшеніемъ въ это смутное, тяжелое время для Королевы являлись поѣздки разъ въ недѣлю въ Петроградъ къ своему брату Вел. Кн. Дмитрію Константиновичу, переселившемуся изъ Стрѣльнинскаго дворца на Песочную ул.

„Разъ въ недѣлю бываю у брата и тамъ отдыхаю душой; Онъ — такой вѣрующій, а вообще теперь о Богѣ забыли, и правящіе нами только надѣются на свои собственныя силы и разумѣніе...“ (26.VII.17).

Положеніе въ Россіи дѣлалось все хуже и хуже, а тутъ изъ Греціи пришли грустныя вѣсти: сынъ Ольги Константиновны Король Греческій Константинъ подъ давленіемъ союзниковъ вынужденъ былъ отречься отъ престола; вмѣсто него вступилъ по произволу Венезилоса не старшій его сынъ Георгій, а второй — Александръ; всѣ остальные члены королевскаго дома вмѣстѣ съ отрекшимся королемъ покинули Грецію... это послѣднее извѣстіе было тяжелымъ ударомъ для несчастной Королевы...

Не описывая подробно дальнѣйшихъ событій, приведемъ рядъ короткихъ выписокъ изъ писемъ Королевы, по которымъ можно судить объ Ея ужасныхъ переживаніяхъ, какъ душевныхъ, такъ и матеріальныхъ.

„Царя увезли — никто не знаетъ навѣрно куда; говорятъ, что для «безопасности»... дай то Богъ...“ (2.VIII.17).

Передъ самымъ отправленіемъ Государя и Его Семьи въ Тобольскъ въ ссылку Королевѣ удалось добиться разрѣшенія Вр. Правительства повидаться съ Ними и проститься... навсегда.

Но, несмотря на всю тяжесть переживаній, Королева не падала духомъ и продолжала надѣяться на лучшее, а, главное, вѣрила въ милость Божию къ своей несчастной Родинѣ:

„Все это пройдетъ, какъ проходили и другія

тяжкія испытанія, и Россія выйдеть изъ нихъ возрожденной и закаленной. И кто знаетъ, можетъ быть, Господь помилуетъ нашу родную землю изъ-за нѣсколькихъ праведниковъ, которыхъ мы не знаемъ, а Онъ знаетъ...“ (12.VIII.17).

„Вел. Князя Павелъ Александровичъ и Михаилъ Александровичъ арестованы, за то большевиковъ и анархистовъ изъ тюремъ выпускаютъ для... помощи нашей арміи...“

На фронтѣ положеніе дѣлалось все хуже и хуже... сдали Ригу — опять тяжкій ударъ и страданія для Королевы:

„Что касается Риги... и всего, то сердце ноетъ и кровью обливается, но... я все же надѣюсь и молюсь...“ (12.X.17).

Наконецъ, опасность начала надвигаться уже непосредственно на семью Константиновичей и Павловскъ:

„Меня встрѣтили «пріятной вѣстью», что Іоанна Константиновича (племянникъ Королевы и владѣлецъ Павловска. Редакц.) хотятъ арестовать и что это «удовольствіе» надо ожидать ночью или на слѣдующій день, т. е. сегодня. Солдаты, назначенные для охраны дворца, нашли, что нѣтъ надобности охранять «частное имущество»...“ (20.X.17).

25 октября 1917 года большевиками былъ взятъ Зимній Дворецъ, Керенскій бѣжалъ, Вр. Правительство пало и воцарилась власть Ленина и К^о.

„Что за ужасы происходятъ въ Петроградѣ...“, пишетъ Королева 26.X.17. „За Царскимъ Селомъ было сильное сраженіе... Братья били братьевъ... Помогите намъ Богъ, до чего мы дошли. Сильнѣйшая пальба была явственно слышна здѣсь (въ Павловскѣ), у меня окна дрожали. Мой моторъ былъ взятъ въ воскресенье, это было въ третій разъ. Павловскъ весь въ рукахъ большевиковъ, они побывали во дворцѣ, ихъ путеводителемъ былъ Григорьевъ (дворц. лакей), ко-

нечно, они искали оружіе; я ихъ видѣла и съ ними говорила“. (З.ХІ.17).

Въ числѣ „обыскивателей“ оказалось нѣсколько матросовъ, которыхъ Королева знала раньше; Она съ ними, какъ всегда, разговаривала ласково и они были вѣжливы. Уходя, они расписались въ швейцарской книгѣ посѣтителей и написали, что такого то числа дворець „посѣтили левоценеры“ (революціонеры), а далѣе слѣдовали ихъ фамиліи.

Въ концѣ концовъ жизнь въ Павловскомъ дворцѣ вѣчно подъ тревогой стала невозможной; распушенность части прислуги, начинающійся ощущаться недостатокъ въ ѣдѣ, ожиданіе худшаго, а, главное, закрытіе лазарета Королевы заставили Ее переселиться въ Петроградъ къ брату, Вел. Кн. Дмитрію Константиновичу, на Песочную улицу, гдѣ Онъ имѣлъ свой небольшой домикъ; тамъ же поселилась племянница Королевы кн. Татьяна Константиновна съ двумя маленькими дѣтьми, а Вел. Кн. Елизавета Маврикіевна (вдова Вел. Кн. Константина Константиновича) поселилась въ Мраморномъ дворцѣ съ младшими дѣтьми кн. Георгіемъ и Вѣрой Константиновичами.

Вотъ что пишетъ Королева о своемъ пребываніи въ Петроградѣ:

„Здѣсь опасно ходить по улицамъ, такъ какъ уже нѣсколько дней идутъ погромы винныхъ погребовъ; начали съ Зимняго Дворца; пьяныхъ много и бессмысленная стрѣльба на улицахъ — пули такъ и свистятъ вокругъ невольно попавшихъ на этотъ пьяный разгулъ; безобразіямъ нѣтъ конца — триумфъ бѣснованія. Банки не выдаютъ денегъ, что совсѣмъ не весело. Для новаго «правительства» еще менѣе, чѣмъ раньше, существуютъ законы — оно дѣлаетъ все, что хочетъ“ (І.ХІІ.17).

Съ Песочной улицы Королева часто пѣшкомъ (за неимѣніемъ ни автомобиля, ни экипажа) ходитъ

въ Іоанновскій монастырь и въ церковь ближайшаго дѣтскаго приюта, что доставляетъ Ей большое утѣшеніе.

Вскорѣ Мраморный дворецъ былъ объявленъ „народной собственностью“, тамъ поселились на правахъ администраціи какіе то комиссары-латыши, а Великой Княгинѣ Елизаветѣ Маврикіевнѣ съ дѣтьми было предоставлено небольшое помѣщеніе. Жизнь на Песочной улицѣ стала ухудшаться съ каждымъ днемъ.

„Вотъ уже нѣсколько времени, какъ электричество зажигаютъ поздно и мнѣ приходится сидѣть, сложа руки, такъ какъ при одной свѣчкѣ я ничего не вижу (у Королевы былъ двойной катарактъ глазъ. Ред.), но теперь слѣдуетъ ко всему привыкать и не жаловаться, такъ какъ многимъ живетъ несравненно хуже; отъ множества народа отняли пенсіи... какъ они будутъ жить, одному Богу извѣстно...“ (28.XII.17).

Общее одичаніе очень огорчало вѣрующую Королеву, но надежда на отрезвленіе русскаго народа все-таки до конца не покидала Ее:

„Забыли о законахъ Божіихъ, попранныхъ революціей... Не можетъ русскій народъ безъ нихъ существовать: на нихъ росла и крѣпла русская земля, въ православіи народъ черпалъ силы и совершалъ великіе подвиги; въ жалкомъ подражаніи западнымъ примѣрамъ Россія гибнетъ — тутъ можно примѣнить русскую пословицу наоборотъ: «что нѣмцу здорово, то русскимъ смерть». Но ни минуты не сомнѣваюсь, что Россія воспрянетъ духомъ и пойметъ, что она дѣлаетъ“. (28.XII.17).

Слѣдующій, 1918 годъ начался для Королевы съ потери родного брата Вел. Кн. Николая Константиновича, скончавшагося 14 января въ нуждѣ въ гор. Ташкентѣ, и былъ еще тяжелѣе для Нея, такъ какъ ко всему прибавились еще нужда и голодъ:

„Живемъ тѣмъ, что мой братъ Вел. Кн. Дмит-

рій Константиновичъ продаетъ свои вещи... картофель трудно достать, хлѣба и всего остального — самая малость, всѣ похудѣли...“ (10 III.18).

Изрѣдка Королева получала извѣстія отъ Государя и Императрицы изъ Екатеринбургa:

„Отъ изгнанниковъ нашихъ хорошія вѣсти и сами Они совершенно благополучны — человекъ ко всему привыкаетъ“. (10.IV.18).

Въ февралѣ 1918 г. Вел. Князь Михаилъ Александровичъ былъ сосланъ въ Пермь, а въ концѣ марта Петроградской Чекой были высланы въ Вятку племянники Королевы князя Іоаннъ, Константинъ и Игорь Константиновичи, двоюродные братья Вел. Кн. Николай Михайловичъ и Сергѣй Михайловичъ — въ Вологду, Вел. Кн. Елизавета Феодоровна изъ Москвы въ Екатеринбургъ, и сынъ Вел. Кн. Павла Александровича — кн. Владиміръ Палей — въ Вологду, „въ цѣляхъ предупрежденія и пресѣченія въ политическихъ преступленіяхъ“, какъ были официально мотивированы эти высылки.

Наконецъ, гроза Петрограда Урицкій вызвалъ въ Чеку и брата Королевы Вел. Кн. Дмитрія Константиновича и предложилъ Ему избрать, какъ мѣсто ссылки, Вологодскую, Олонецкую или Вятскую губерніи. Вмѣстѣ съ Вел. Княземъ въ Чеку пошла и его племянница кн. Татьяна Константиновна (вдова убитаго кн. Багратіонъ-Мухранскаго) и спросила Урицкаго, можетъ ли она сопровождать Великаго Князя въ ссылку, и получила утвердительный отвѣтъ.

5 апрѣля 1918 г. Вел. Кн. Дмитрій Константиновичъ и кн. Татьяна Константиновна вмѣстѣ съ ея малолѣтними дѣтьми (3-хъ и 4-хъ лѣтъ) выѣхали въ Вологду... и Королева, лишившись всѣхъ, осталась на Песочной улицѣ одна...

„Надо помнить, что Господь не зря посылаетъ тяжкія испытанія — надо все вытерпѣть до конца,

пока Онъ не пошлетъ намъ успокоенія и утѣшенія“, писала Она 10 апрѣля 1918 года послѣ отъѣзда въ ссылку Своего брата.

14 мая того же года, послѣ долгихъ и мучительныхъ хлопотъ, Королевѣ удалось, наконецъ, выѣхать съ датскимъ поѣздомъ Краснаго Креста съ военноплѣнными за границу, въ Швейцарію, въ г. Люцернъ.

II.

Выбравшись изъ Россіи въ 1918 г., потерявшая навсегда Свою родину, осиротѣлая, такъ какъ почти вся Ея семья были уничтожена большевиками*), ограбленная, Королева Ольга Константиновна вынуждена была жить за границей по гостиницамъ, такъ какъ лишилась и своего крова въ Греціи, откуда была выслана вся Ея семья. Эти скитанія по Европѣ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну продолжались до октября 1920 года.

Грустныя извѣстія изъ Россіи, тоска по убитымъ близкимъ, тревога за происходящее въ Греціи — все это терзало и безъ того измученную душу этой многострадальной женщины.

„На Родинѣ все идетъ хуже и хуже, и ужасы безъ конца и безъ всякаго смысла... Отчего убили моего брата, горячо любимаго, и остальныхъ, безко-

*) Государь, Императрица, Наслѣдникъ и Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны были разстрѣляны въ Екатеринбургѣ 4 іюля 1918 года.

Вел. Кн. Елизавета Феодоровна, Вел. Кн. Сергѣй Михайловичъ, князья: Іоаннъ, Константинъ и Игорь Константиновичи и кн. Владиміръ Палей — были убиты въ Алапаевскѣ въ ночь на 5 іюля 1918 года.

Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ былъ убитъ большевиками около Перми между 5 и 15 іюля 1918 года.

Вел. Князья: Дмитрій Константиновичъ, Николай и Георгій Михайловичи и Павелъ Александровичъ изъ Вологды, какъ арестанты, были доставлены въ Петроградъ и тамъ разстрѣляны въ Петропавловской крѣпости 17 января 1919 г.

нечно дорогихъ...“, вырывается страдальческой вопль въ письмѣ отъ 1-го февраля 1919 г. изъ Люцерна.

„Говорятъ, что Іоаннъ, Константинъ, Игорь, Елизавета Федоровна, Сергѣй Михайловичъ убиты... о Михаилѣ Александровичѣ и всей Царской Семьѣ говорятъ то же...“, пишетъ Она 2.II.19.

Чувство безысходной тоски по убитымъ, сознание отсутствія своего угла, тяжесть изгнанія не покидаютъ Королеву.

„Я страшно горюю о моемъ братѣ и другихъ... Я теперь осталась послѣдней изъ нашей семьи... Ни братьевъ, ни родного очага... Какъ грустно жить въ изгнаніи. Какъ меня тянетъ подъ собственный кровъ... но надо терпѣть, терпѣть и терпѣть, терпѣніе — великая энергія...“

Въ 1920 г. Королевѣ пришлось опять перенести новое горе: въ августѣ скончалась Вел. Кн. Марія Павловна, а въ октябрѣ — Вел. Кн. Марія Александровна, сестра Императора Александра III и двоюродная сестра Ольги Константиновны.

Въ концѣ 1920 г. среди тьмы, окружавшей Королеву, промелькнулъ, наконецъ, свѣтлый лучъ, но и то не надолго, сопровождавшійся грустной потерей близкаго человѣка: въ Греціи Короля Александра, внука Королевы, укусила обезьяна и король тяжело заболѣлъ. Съ большимъ трудомъ Королевѣ разрѣшили пріѣхать на короткое время въ Грецію съ условіемъ запрета въѣзда въ Афины. Пріѣхавъ въ Грецію, Она вынуждена была сойти съ поѣзда на маленькомъ полустанкѣ Оропо и оттуда ѣхать на автомобилѣ въ Татой (королевское имѣніе), гдѣ находился умирающій молодой король; но Она не застала его въ живыхъ — наканунѣ Ея пріѣзда король Александръ скончался... Новое горе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ короля греческій народъ произвелъ монархическій переворотъ

и потребовалъ возвращенія въ страну законнаго короля — Константина, старшаго сына Ольги Константиновны, и до его прїѣзда Королева была объявлена Правительницей государства съ титуломъ „Королева-Мать и Правительница“. Въ теченіе мѣсяца Ей, до прїѣзда сына и всей семьи, пришлось править Греціей.

Но и этотъ радостный періодъ Ея жизни продолжался недолго: въ февралѣ 1922 года скончалась двоюродная сестра Ея Вел. Кн. Анастасія Михайловна и въ томъ же году политическія обстоятельства заставили короля Константина отречься отъ престола и уѣхать съ семьей въ изгнаніе... (На Егс мѣсто вступилъ Его старшій сынъ Георгій II-й). Королева опять очутилась въ изгнаніи... Въ томъ же году 29 декабря Она пережила еще одинъ страшный ударъ — Ея сынъ, отрекшійся король Константинъ скончался...

„У меня новое, тяжкое, ужасное испытаніе... Да будетъ Господня воля святая; среди безчисленныхъ испытаній я непоколебимо вѣрю, что все, что Всевышній посылаетъ, все къ лучшему — этому только можно вѣрить, а понимать и не дано...“, пишетъ Она 2 февраля 1923 года.

Слѣдующій, 1923 годъ готовитъ Королевѣ новыя тяжкія испытанія: въ Греціи былъ низложенъ съ престола Ея внукъ король Георгій и скончалась жена Ея младшаго сына Христофора королевна Анастасія. Этотъ годъ, также какъ и слѣдующій, Королевѣ пришлось жить по разнымъ странамъ: во Франціи, Англіи, Баваріи и въ Италіи; наконецъ, 14 мая 1925 г. Она поселилась въ Римѣ у своего младшаго сына королевича Христофора въ купленной имъ виллѣ „Анастасія“, названной такъ въ память его покойной жены. Королевичъ окружилъ свою дряхлѣющую мать заботливымъ уходомъ и вниманіемъ. Въ Римѣ Королевѣ прислали изъ Афинъ всѣ Ея любимыя вещи и книги и, окруженная воспоминаніями всей своей мно-

гострадальной 75-лѣтней жизни и портретами своихъ близкихъ, погибшихъ и убитыхъ, Королева Эллиновъ Ольга Константиновна тихо скончалась 6/19-VI 1926 г.

Временно Ея прахъ былъ поставленъ въ Православной церкви во Флоренціи, гдѣ уже покоились останки Ея сына короля Константина и его жены королевы Софіи. Только десять лѣтъ спустя, въ 1936 году, когда въ республиканской Греціи произошелъ опять монархическій переворотъ и на престолъ вторично вступилъ Георгъ II, прахъ Королевы, короля Константина и его жены былъ торжественно перевезенъ въ Грецію на мѣсто постояннаго упокоенія.

До конца своихъ дней Королева думала о Россіи, страдала ея страданіями, и надежда увидѣть когда нибудь родную землю не покидала Ее.

„Какъ сердце мое болитъ... все, все прошло безвозвратно... братьевъ моихъ нѣтъ, я осталась одна изъ нашей семьи, какъ жалкій осколокъ прошлаго... а было такъ хорошо!“, пишетъ Она, страдая душою за Родину.

„И гдѣ все это происходитъ? Въ нашей ненаглядной, горячо любимой Россіи!.. Я ее еще больше люблю, хотя врядъ ли я могу ее еще больше любить: она для меня первое на свѣтѣ; жалость къ страданіямъ ея, къ ужаснымъ испытаніямъ ея; какъ будто еще усиливаетъ любовь. Увижу ли я когда нибудь мою Родину опять, мой рай земной?“

Господь не судилъ Королевѣ этой радости...

Эту беззавѣтную любовь свою къ Родинѣ-Россіи Королева Эллиновъ завѣщала намъ.

Будемъ же и мы такъ же горячо и беззавѣтно любить Россію и скажемъ словами Королевы Ольги Константиновны, этой удивительной русской женщины:

„Я НИ МИНУТЫ НЕ СОМНѢВАЮСЬ, ЧТО РОССІЯ ВОСКРЕСНЕТЪ“.

Королева Эллиновъ Ольга Константиновна и Русскій Флотъ.

Королева Ольга Константиновна, будучи дочерью Генералъ-Адмирала Русскаго Флота Вел. Кн. Константина Николаевича, съ дѣтскихъ лѣтъ вращалась среди моряковъ и горячо полюбила флотъ и флотъ полюбилъ Ее. Лучшіе Ея друзья были моряки, а къ матросамъ Она относилась, какъ мать, и всю жизнь заботилась о нихъ, горячо принимая къ сердцу ихъ радости и горести; въ свою очередь матросы были преданы Ей, цѣнили Ея доброе къ нимъ отношеніе, дѣлились съ Нею своими успѣхами и невзгодами; окончивъ службу, они на протяженіи ряда лѣтъ писали Королевѣ письма. Часто эти письма приходили съ довольно курьезными адресами, вродѣ: „Греческое государство, гдѣ царствуетъ Русская Королева Ольга. Передать Ей въ собственныя руки“ и... письма эти доходили по назначенію.

Покойная Королева до мельчайшихъ подробностей знала всѣ особенности морской жизни, знала всѣ замысловатые морскіе „термины“; полъ называла по морскому — „палуба“, окно — „иллюминаторъ“, шлюпку никогда не называла лодкой; знала, что корабли не „ѣздятъ“, а ходятъ и т. д. Но не одно внѣшнее „забавляло“ Ее — Она понимала огромное значеніе флота для государства, прекрасно знала нашу морскую исторію, знала, чѣмъ Россія обязана своимъ морскимъ силамъ.

Несчастливая Русско-Японская война съ Портъ-Артуромъ и Цусимой причинила Королевѣ тяжелыя нравственныя страданія. Послѣ войны во флотѣ начинали подводить итоги разгрома и дѣлали первыя робкія попытки реформъ, такъ блистательно закончившихся и возродившихъ доблестный русскій флотъ къ началу Великой войны.

Королева лихорадочно слѣдила за всѣмъ, происходящимъ тогда во флотѣ и въ Морскомъ министерствѣ; многое Ее радовало, но многое Она осуждала и горевала.

„Все, что касается флота, писала Она, такъ невыразимо грустно, и, главное, то, что горю можно было бы помочь, но ничего не дѣлается, прошлыя грустныя событія во флотѣ какъ будто ничему не научили, повторяются все тѣ же ошибки, лучшіе люди уходятъ... Чѣмъ все это еще кончится?.. (Письмо отъ 11.VIII.06).

Когда, одно время, вмѣсто коренныхъ реформъ, во флотѣ начали было заниматься перемѣнами формъ обмундированія — это не ускользнуло отъ вниманія Королевы, которая по этому поводу писала:

„Морскимъ офицерамъ даны 'сухопутныя 'бѣлыя шарфы... я готова плакать“ (9.VI.07).

Спустя нѣкоторое время Королева съ горькимъ сарказмомъ пишетъ:

„Самое важное событіе во флотѣ, это что и доктора получили шарфы... вѣроятно, больные будутъ скорѣе выздоравливать теперь“... (14.II.09).

И, наконецъ:

„Съ ужасомъ слышала, что 'вводятся синія ту-журки для моряковъ; можетъ быть, скоро будутъ шпоры и лядунки... занимаютъ одними пустяками“... (11.V.09).

Королева постоянно была въ курсѣ всѣхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ флота, внимательно про-

читывая всѣ приказы по Морскому Вѣдомству. Когда, въ концѣ 1908 г., началась во флотѣ „чистка“, Королева сообщаетъ:

„Тутъ происходитъ избіеніе младенцевъ, т. е. выпроваживаютъ въ отставку 14 адмираловъ, даже такихъ, о которыхъ давно всѣ забыли, и пришлось къ нимъ посылать, чтобы удостовѣриться, живы ли они еще, какъ, напримѣръ, адмиралъ Ф., плававшій послѣдній разъ въ 1854 году, когда мнѣ было три года. Увѣряютъ, что и адм. А. долженъ былъ вылетѣть вмѣстѣ съ другими, но что онъ принялъ мѣры и... остался“ (2.X.1909).

Зато новыя назначенія дѣятельныхъ и полезныхъ лицъ вызывали у Королевы чувство радости и молитву:

„Только что узнала, что адм. Бостремъ назначенъ Командующимъ Флотомъ въ Черномъ морѣ, Воеводскій — товарищемъ Морск. Министра, Русинъ — директоромъ Морского Корпуса. Дай Богъ, чтобы эти назначенія были на благо родного Флота“... (7.VII.08).

Государственная Дума, первое время относившаяся совершенно отрицательно къ Флоту и старавшаяся отказывать въ кредитахъ Морскому Вѣдомству, внушала Королевѣ нѣкоторое недовѣріе и опасенія, но въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ кредитахъ Дума отказывала обоснованно, Королева находила это вполне правильнымъ:

„Прочла сегодня пренія о флотѣ въ Государственной Думѣ, которая опять отказала въ деньгахъ на постройку судовъ, что я понимаю: отчего давать деньги, если не извѣстно, что будутъ съ ними дѣлать“ (26.III.09).

Въ это время какъ разъ шли споры въ Морскомъ Вѣдомствѣ о судостроительной программѣ и къ моменту обсужденія отпусковъ кредитовъ Морское

Министерство не смогло представить въ Думу опредѣленной программы; вскорѣ эта программа была выработана и Дума отпустила нужные кредиты.

Черезъ два съ половиной мѣсяца Королева уже пишетъ:

„Читала въ «Новомъ Времени», что заложены четыре громадныхъ броненосца. Я не замѣтила, когда Гос. Дума отпустила нужныя на то средства. Во всякомъ случаѣ, читала это съ волненіемъ и молитвой, чтобы Господь благословилъ возрожденіе горячо любимаго флота“.

Закладка этихъ судовъ по политическимъ причинамъ была произведена безъ особаго шума, но Королева, горячо любившая родной Флотъ и считавшая закладку 4 большихъ кораблей дѣломъ огромной государственной важности, была огорчена этой скромностью:

„Жалко было, страшно жалко и обидно, что одинъ тов. министра Григоровичъ присутствовалъ на такомъ торжествѣ... Какъ можно! такъ ли приступаютъ къ такому важному дѣлу?“ (2.V.09).

Радуюсь успѣхамъ возрождающагося Флота, Королева до глубины души возмущалась всякими непорядками, встрѣчавшимися въ немъ, и говоря о нихъ, сурово бичевала ихъ:

„Мнѣ разсказывали о нашихъ послѣднихъ морскихъ маневрахъ: результаты были въ высшей степени поучительны; однако, наши моряки, не участвовавшіе въ маневрахъ, рѣшительно ничего о нихъ не знаютъ, а въ Германіи наши маневры подробно разобраны и напечатаны и, будучи переведенными на русскій языкъ, появились въ русскихъ газетахъ и такимъ образомъ русскіе моряки познакомились съ тѣмъ, что кажется необходимымъ имъ первымъ знать. Это прямо уму непостижимо, какъ относятся къ личному составу; подумаешь, что это какіе то слѣ-

ные инструменты, отъ которыхъ требуется механическое исполненіе приказаній и которымъ ни опытъ, ни знанія не нужны“ (12.III.09).

Изъ этихъ послѣднихъ мыслей Королевы видно, насколько Она вдумчиво и серьезно относилась къ Флоту и его дѣйствіямъ.

Любя Русскій Флотъ, Королева прежде всего любила его личный составъ: матросы были предметомъ Ея особаго попеченія, не только потому, что они были матросами, а главнымъ образомъ потому, что это были *русскіе крестьяне*, простые люди, которыхъ Королева знала и любила съ дѣтства.

Въ Греціи постоянно стояли въ качествѣ стаціонеровъ русскія канонерки, мѣняясь ежегодно; кромѣ того, черезъ Пирей всегда проходили наши военныя суда, идущія на Дальній Востокъ или обратно; эти постоянныя посѣщенія Греціи русскими военными кораблями доставляли Королевѣ истинную радость, т. к. посѣщая суда, Она на нихъ чувствовала Себя, какъ въ Россіи, какъ бы общалась съ Родиной.

При первыхъ визитахъ на корабли Королева, будучи отъ природы очень скромной, всегда боялась, что Она всѣхъ стѣсняетъ; офицеры же, если они раньше не знали Королевы, тоже чувствовали себя какъ-то оффиціально. Вотъ какъ Королева описываетъ свои первыя посѣщенія русскихъ судовъ съ мало знакомымъ составомъ офицеровъ:

„Я вернулась съ «Хивинца» съ чувствомъ, какъ это такъ часто со мною бываетъ въ обществѣ, что я только всѣхъ стѣсняю, и хорошо дѣлаю, когда убираюсь по добру, по здорову! Когда я дѣлаю хоть

шагъ, всѣ встаютъ; разговариваютъ — я появляюсь, всѣ умолкаютъ“. (31.III,07).

„Вчера была на канонерской лодкѣ «Кубанецъ»; командиръ, В. А. Канинъ (впослѣдствіи Командующій Балтійскимъ флотомъ. М. Г.), Каютъ-Компанія необыкновенно дружная, совершенно непьющая, но они какъ будто стѣснялись меня и мало говорили; я внутренне стѣснялась ужасно, но старалась не показывать; познакомимся — лучше будетъ“. (23.XI.07).

И дѣйствительно, спустя короткое время ледъ таетъ и у Королевы съ офицерами устанавливаются простыя, дружескія отношенія: Ее перестаютъ дичиться и стѣсняться, глубоко уважаютъ, а узнавши Ея доброе сердце, дѣлаются преданными Ей на всю жизнь.

Относясь съ большимъ уваженіемъ къ каждому человеку, отличаясь удивительной, рѣдкой простотой въ обращеніи съ людьми и поразительной добротой, Королева быстро завоевывала общія горячія симпатіи. Она входила въ подробности жизни cadaго съ такой любовью, искренностью и тактомъ, что большинство въ самыхъ тяжелыхъ житейскихъ случаяхъ искали у Нея моральной поддержки и совѣта, какъ у родной матери и были съ Нею откровенны. Много семейныхъ драмъ Она превратила въ семейное счастье; много, много людей обязаны этой удивительной женщиной: кто исцѣленіемъ, казалось, измученной души, кто возстановленіемъ разбитой семейной жизни, кто поправленіемъ здоровья. Добрымъ, мягкимъ, искреннимъ совѣтомъ Она успокаивала ожесточенныхъ жизнью людей, многихъ спасала отъ гибели нравственной или физической. Многие тяжело больные обязаны Ей своею жизнью, т. к. Она принимала мѣры, не щадя хлопотъ и средствъ для устройства больныхъ въ санаторіи, вливала вѣру въ жизнь людямъ отчаявшимся, словомъ, помогала, какъ могла, всѣмъ, искавшимъ у Нея той или иной помощи.

Влюбленный молодой мичманъ искалъ у Нея совѣта, жениться ли ему или нѣтъ; человекъ, несчастный въ семейной жизни выплакивалъ Ей свое горе и находилъ добрый материнскій совѣтъ и успокоеніе; заболѣвшій туберкулезомъ находилъ помощь въ устройствѣ въ спеціальной клиникѣ — никому не было отказа. Много человѣческаго горя пришлось выслушать Королевѣ, и всегда Ея отзывчивая душа находила выходъ изъ, казалось, совершенно безвыходнаго положенія. И все это дѣлалось мягко, деликатно, съ глубокимъ пониманіемъ человѣческой души и, главное, въ полной тайнѣ отъ другихъ. Тысячи людей до сихъ поръ благословляютъ добрую Королеву за все добро, оказанное имъ въ тяжелую минуту жизни.

Дѣлать людямъ добро, облегчать ихъ страданія, помогать имъ — была главная цѣль жизни Королевы Ольги; недаромъ однимъ изъ любимѣйшихъ изрѣченій Ея изъ Священнаго Писанія было: погибшее възыщу и заблудившее обрящу и сокрушенное обяжу и укрѣплю (Иезекіиль, гл. 34 ст. 16).

Получая со всѣхъ сторонъ тысячи просьбъ, Королевѣ приходилось по всѣмъ этимъ дѣламъ постоянно вести хлопоты передъ всякимъ начальствомъ, главнымъ образомъ, въ Морскомъ Министерствѣ; такъ какъ Ее всѣ и вездѣ любили, то старались исполнять Ея просьбы, хотя и называли Ее въ шутку „Августѣйшей нищей“; Королева это знала и смѣялась. Ведя какія либо хлопоты, Она всячески старалась поменьше беспокоить „высшее начальство“; вотъ образецъ Ея отношенія къ этому вопросу:

„Я бы могла спросить (по одному дѣлу. М. Г.) въ Штабѣ (Главный Морской Штабъ. М. Г.), но не знаю, къ кому обратиться; П-ва (адъютантъ Морск. Министра, котораго Королева хорошо знала и любила. М. Г.) здѣсь нѣтъ, а остальные очень важные адмиралы, а къ ихъ Превосходительствамъ нельзя

обращаться по мелкимъ дѣламъ; я и то увѣрена, что они меня считаютъ назойливой мухой“. (5.VI.07).

Вообще Королева, будучи очень скромной и деликатной, боялась всегда кого либо безпокоить собою; на примѣръ, будучи въ Севастополѣ, Она

„на берегъ не съѣзжала, чтобы не давать лишнихъ хлопотъ начальству“. (7.IV.8).

Она не любила свѣтской жизни, большое общество стѣсняло Ее, терпѣть не могла парадныхъ обѣдовъ, баловъ и т. п., не любила наряжаться; зато любила природу, простую деревенскую жизнь, семейную обстановку; много читала, любила русскую поэзію, предпочитала общество простыхъ, хорошихъ людей, среди которыхъ отдыхала душой. Чтобы дать понятіе о житейскихъ вкусахъ Ея, приведемъ собственные Ея слова:

„Я очень не люблю бывать въ свѣтѣ и предпочитаю тишину моей комнаты“. (25.II.08).

„Сегодня вечеромъ большой обѣдъ и приемъ — кошмаръ для меня; я буду въ стопушечномъ расфуфырствѣ, но лучше быть въ простотѣ, въ больничной формѣ, тогда я чувствую себя въ своей тарелкѣ“. (27.XI.07).

„6 декабря, какъ всегда, мы обѣдали у Щ. (русскій посланникъ въ Греціи. М. Г.). Я это очень люблю, потому что тамъ встрѣчаю всю нашу (русскую. М. Г.) колонию; одно только очень скучно — это безконечное сидѣніе за обѣдомъ; мнѣ кажется, что обѣдаютъ для того, чтобы питаться, а не для того, чтобы наполнять свою грѣшную утробу десятью блюдами, что даже возмутительно, когда подумаешь о такихъ, которымъ вѣсть нечего. Наконецъ, послѣ этой обжорной пытки мы пошли въ другія комнаты и тамъ я всласть болтала съ моряками“. (8.VII.08).

„Въ Стрѣльнѣ (у брата Вел. Кн. Дмитрія. М. Г.) страшно уютно въ простой русской семейной обстановкѣ — тамъ отдыхаешь душою“. (15.VI.06).

Лѣтомъ 1907 года Королева провела нѣкоторое время подъ Москвой въ имѣнни Вел. Князя Сергѣя Александровича, гостя у его вдовы Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны; вотъ какъ Она описываетъ Свое пребываніе въ Ильинскомъ:

„Проселочная дорога была ужасная, но что за тишина и миръ здѣсь въ деревнѣ. Мужички кланяются; не то, что рабочіе на желѣзной дорогѣ. Какъ я люблю нашу деревню, эти кроткіе милые виды, громадные заливные луга, Москва-рѣка и въ дали синѣющіе лѣса — все это дѣйствуетъ успокоительно на душу, чувствуешь себя такъ далеко отъ суеты мірской“. (15.VI.07).

„Здѣсь въ деревенской тиши мнѣ такъ хорошо, что просто совѣстно. Вспоминаются стихи Некрасова: «Спасибо, сторона родная, за твой врачующій просторъ». Здѣсь забываешь мятежный свѣтъ, кажется, что міръ и его суета очень далеки... Я много провожу съ ранеными (у Вел. Кн. Елизаветы въ Ильинскомъ былъ лазаретъ для ранен. солдатъ. М. Г.), которыхъ еще много; я имъ подолгу читаю вслухъ или сидимъ подъ развѣсистымъ деревомъ и болтаемъ; такъ хорошо и весело съ этими простыми людьми“. (23.VI.07).

Весной 1908 г. Королева пріѣзжала въ Россію черезъ Севастополь — вотъ Ея дорожныя впечатлѣнія на пути изъ Севастополя въ Петербургъ:

„Въ средней Россіи, особенно въ Тульской губерніи, необозримыя равнины еще покрыты сплошной снѣжной пеленой — это такая красота! И эти поля, какъ я ихъ люблю!!! Что меня всего болѣе удивляетъ, когда я ѣду по Россіи, это «эти бѣдныя се-

ленія. а среди нихъ возвышающіяся большія церкви...
О, Русь святая!.. (7.IV.08).

Любя безумно Россію, любя нашу русскую природу, Королева, естественно, любила и нашу чудную поэзію, хотя Сама никогда не писала; Ея любимыми авторами были Некрасовъ, Тютчевъ, гр. Алексѣй Толстой и гр. Голенищевъ-Кутузовъ:

„Гр. А. Толстой — одинъ изъ моихъ любимѣйшихъ поэтовъ; это такая сердечная чистота, благородство души, свѣтлый, бодрый взглядъ на жизнь и ея постоянную борьбу, и такая любовь къ Родинѣ, какъ дай Богъ каждому“... (30.I.07).

„Я читаю прелестную книжечку гр. Кутузова, у него чудный слогъ, какъ бисеръ, и ни одного иностраннаго слова — все чисто и изящно“... (22.IV.07).

Кстати о языкѣ... Королева въ совершенствѣ знала свой родной Русскій языкъ и всегда возмущалась, что его часто совершенно безъ надобности засоряютъ ненужными иностранными словами, когда есть свои русскія; въ особенности это оскверненіе русскаго языка пошло во время революціи. Вотъ что Она пишетъ по этому поводу:

„Я завела себѣ книгу, въ которую записываю всѣ иностранныя слова, встрѣчающіяся въ печати, употребляемая «государственными» дѣятелями и разными людьми въ разныхъ собраніяхъ; каждый день я думаю, что записала послѣднее слово, но нѣтъ: ихъ съ каждымъ днемъ набирается все больше и больше, и у меня ихъ записано цѣлое множество, на всѣ буквы, за исключеніемъ Щ и Я!.. Просто стыдно становится, когда наглядно видишь, какъ калѣчатъ всѣ эти «дѣтели» всякихъ родовъ и оттѣнковъ нашъ дивный, родной языкъ! Совѣстно, стыдно становится — мы умышленно его засоряемъ всякой иностранной дрянью“... (26.VII.17).

Еще раньше, до революціи, это отношеніе къ родному языку возмущало Королеву; Она всегда старалась избѣгать иностранныхъ словъ и когда при письмѣ Ей приходилось въ силу необходимости примѣнять какое нибудь иностранное слово изъ за невозможности замѣнить его русскимъ, Она всегда его ставила въ кавычки. Когда въ 1915 г. въ Петроградѣ открылось „Общество возрожденія художественной Руси“, Королева очень обрадовалась этому начинанію:

„Въ Петроградѣ недавно образовалось «Общество возрожденія художественной Руси». Мнѣ страшно захотѣлось попасть въ его составъ членомъ и особенно въ его отдѣлъ очищенія русскаго языка отъ иностранныхъ словъ. Ген. Ермолинскій (Управляющій Дворомъ Вел. Кн. Елизаветы Маврикіевны, вдовы Вел. Кн. Константина Константиновича. М. Г.) передалъ это предсѣдателю, кн. Ширинскому-Шахматову, и онъ вчера у меня былъ съ кн. Голицынымъ-Муравлинымъ. Они предложили мнѣ быть въ числѣ членовъ-учредителей; мнѣ это было страшно совѣстно, т. к. я не мѣтила такъ высоко, а желала только быть скромнѣйшимъ изъ самыхъ скромныхъ членовъ“ (5.V.15).

Изъ послѣднихъ строкъ этого письма видно, насколько Королева Ольга Константиновна, несмотря на свое высокое происхожденіе, несмотря на всѣ свои выдающіяся качества, была скромнымъ, несамуувѣреннымъ человѣкомъ; вотъ однажды какъ Она сказала о Самой Себѣ:

„Такъ какъ я очень несамуувѣренна и сомнѣваюсь въ какихъ бы то ни было своихъ способностяхъ, то на меня иногда находитъ безпокойство, что не то дѣлаю, что, будь я умнѣе, проницательнѣе, я лучше сдумѣла бы поступать“ (19.I.09).

Отношенія Королевы къ простымъ матросамъ были еще удивительнѣе, чѣмъ къ офицерамъ; Она такъ горячо любила этихъ простыхъ людей, что офи-

церы въ шутку говорили, что Королева считаетъ матросовъ ангелами и даже какъ то на Рождество на елку подарили Ей огромную куклу въ матросскомъ костюмѣ съ крыльями за спиною.

Въ праздники, когда команду съ кораблей отпускали гулять, матросы постоянно ходили во дворецъ въ гости къ „Матушкѣ-Королевѣ“, какъ они Ее называли. Эти посѣщенія всегда доставляли Королевѣ большую радость, Она любила часами разговаривать со своими гостями: они рассказывали Ей о своихъ деревняхъ, семьяхъ, о своихъ планахъ послѣ окончанія военной службы, о своихъ нуждахъ, о несчастьяхъ, постигшихъ ихъ деревни, пожарахъ, неурожаяхъ и т. д. Любя русскаго человѣка вообще, а русскаго матроса или солдата особенно, Королева считала, что:

„Русскій человѣкъ таковъ: если онъ чувствуетъ, что его любятъ, что о немъ заботятся, то онъ готовъ на все хорошее, въ огонь и въ воду, а матросъ — это воскъ; увы, бываютъ исключенія, но не всегда они виноваты“. (2.III.08).

И Она любила этихъ людей всей Своей русской душою и заботилась о нихъ. Главнымъ образомъ, симпатіи Королевы относились къ матросамъ изъ простыхъ крестьянъ-землепашцевъ; матросы же изъ бывшихъ фабричныхъ или горожане были Ей всегда менѣе симпатичны.

Съ корабельнымъ начальствомъ, плохо обращавшимся съ командой, у Королевы всегда устанавливались враждебныя отношенія. Вотъ, что говоритъ сама Королева по этому поводу:

„Какъ мнѣ всегда больно слышать, когда дурно обращаются съ матросами и видятъ въ нихъ не живую душу, а какое то стадо...“ (18.VII.07).

Зато офицеровъ, любящихъ команду, заботящихся о ней и занимающихся ею, Она очень любила.

Съ особеннымъ уваженіемъ Королева относилась къ матросамъ — Георгіевскимъ кавалерамъ и они вызывали въ Ней всегда чувство почтенія къ себѣ:

„Сегодня и на дняхъ встрѣчала моряковъ, Георгіевскихъ кавалеровъ, незнакомыхъ мнѣ, но такъ хотѣлось подойти и протянуть имъ руку... я воздержалась, однако, чтобы не удивить «лицу», хотя благороднѣе было бы этого не дѣлать... т. е. не стѣсняться, а просто подойти“. (23.VII.07).

Однимъ изъ самыхъ большихъ огорченій для Королевы было слышать о пьянствѣ среди матросовъ: это доводило Ее буквально до слезъ. Послѣ Японской войны Она написала и издала брошюрку для раздачи матросамъ, направленную противъ пьянства; въ ней Она, между прочимъ, писала, что вообще противно видѣть пьянаго человѣка, а въ особенности въ формѣ русскаго матроса, защитника Родины, но еще оскорбительнѣе встрѣтить пьянаго матроса съ Георгіемъ на груди.

Я помню, когда изъ типографіи были принесены эти брошюры на мое имя, Королева просила меня прислать ихъ Ей во дворецъ съ моимъ вѣстовымъ-матросомъ, человѣкомъ совершенно непьющимъ. На другой день, при встрѣчѣ, Королева спросила меня, читалъ ли мой матросъ Ея брошюру. Желая пошутить, я отвѣтилъ: „Думаю, что читалъ“. Удивленная Королева спросила, почему я это думаю. „Потому, — отвѣтилъ я, — что мой матросъ вернулся домой совершенно пьянымъ. До чтенія брошюры ему мысль о винѣ и въ голову не приходила, а, прочтя брошюрку, ему захотѣлось выпить“. Шутка была, конечно, злая. Бѣдная Королева приняла ее за чистую монету и въ огорченіи сказала мнѣ: „Ну, если моя брошюра имѣетъ обратное дѣйствіе, я прикажу ее сжечь“. Когда я повинился и сказалъ, что я пошутилъ, нужно было видѣть Ея искреннюю радость!

Съ особенной заботой Королева относилась къ заболѣвшимъ въ Греціи русскимъ морякамъ. Въ Пиреѣ Она на свои средства построила собственную русскую больницу, гдѣ весь персоналъ былъ русскій. Поводомъ для устройства этой больницы послужило то, что ранѣе заболѣвшихъ матросовъ въ Греціи отправляли въ греческій военный госпиталь, гдѣ, помимо не совсѣмъ удовлетворительнаго медицинскаго ухода, русскаго человѣка никто не понималъ и матросы не могли, какъ слѣдуетъ, объясниться, а среди иностранцевъ чувствовали себя одинокими и заброшенными. Въ русской же больницѣ матросу было, конечно, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. При больницѣ была построена крохотная церковь во имя св. Ольги и былъ русскій священникъ. Тамъ же была устроена матросская чайная (вродѣ клуба) съ хорошей библіотекой и электрическимъ волшебнымъ фонаремъ съ массой картинъ изъ Священной исторіи, исторіи Россіи, русской литературы и по сельскому хозяйству. Въ этой чайной часто устраивались лекціи для матросовъ, чтенія, бесѣды, которыя охотно посѣщались какъ выздоравливающими матросами, такъ и матросами съ русскихъ военныхъ кораблей, стоявшихъ въ Пирейской гавани, отвлекая ихъ отъ пьянства.

Тамъ же, въ Пиреѣ, городское управленіе подарило Королевѣ большой участокъ земли, на которомъ Она устроила русское кладбище. Всѣ русскіе, скончавшіеся въ Греціи, нашли на немъ мѣсто своего вѣчнаго упокоенія. Всѣмъ морякамъ, похороненнымъ на этомъ кладбищѣ, Королева за свои средства соорудила мраморныя плиты. Впослѣдствіи, послѣ революціи, на этомъ кладбищѣ было похоронено много русскихъ бѣженцевъ и чиновъ арміи ген. Врангеля, среди которыхъ были русскіе магометане и Донскіе казаки буряты и калмыки — буддисты. При кладбищѣ имѣется постоянный сторожъ.

Заболѣвшіе морскіе офицеры тоже находились въ этой же больницѣ; Королева постоянно пріѣзжала навѣщать больныхъ, часами разговаривала съ больными моряками, часто присутствовала при операціяхъ, помогая врачамъ, какъ сестра милосердія. Она, какъ мать, заботилась о тяжело больныхъ, навѣщая ихъ въ серьезныхъ случаяхъ даже ночью. Какъ образецъ отношенія Королевы къ больному, приведу Ея собственное письмо:

„У Меня здѣсь большая дружба съ матросами; въ больницѣ есть такіе славные; тотъ, который сталъ было поправляться отъ тифа, теперь умираетъ, у него вдругъ сдѣлалось воспаленіе легкихъ. Я въ ужасномъ огорченіи, но, видно, ему не суждено поправиться; да будетъ воля Божія! Можетъ быть, Господь его спасаетъ отъ чегонибудь худшаго. Я провела у него сегодня около 2-хъ часовъ и въ промежуткахъ страшнаго, удушливаго кашля онъ потихоньку разговаривалъ и рассказывалъ про своихъ родителей и свою деревню, какъ встрѣчаютъ праздники у нихъ, какъ въ церковь ходятъ и т. д.

Ему былъ обѣщанъ 3-хъ мѣсячный отпускъ и вотъ онъ сталъ соображать, какъ онъ соберется, какъ будетъ укладываться, какой гостинецъ повезетъ матери... А когда ему становилось очень тяжело и я чтонибудь говорила о Христѣ, онъ, видно, всей душой отзывался и такъ кротко соглашался съ тѣмъ, что Спаситель еще гораздо больше страдалъ, распятый на крестѣ, Онъ, безгрѣшный, за насъ, грѣшныхъ...

Около 6 час. я должна была уѣхать. Въ 10 часовъ я говорила съ докторомъ по телефону: матросикъ все меня зоветъ и проситъ, чтобы меня позвали... Боже мой! Если бы я могла остаться около него всю ночь..." (18.1.08).

На слѣдующій день Королева писала:

„Мой милый Масюковъ кончился около 11 час. вечера, онъ перешелъ изъ Смерти въ Жизнь... Я не могла успокоиться; узнавъ, что онъ меня зоветъ, я рѣшила попытаться попасть къ нему, одѣлась и ждала возвращенія моихъ. Король меня отпустилъ, а сыновья вызвались проводить меня на моторѣ, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ только что вернулись съ бала. Мы прѣехали въ 1 часъ ночи въ больницу (25 километровъ отъ Афинъ. М. Г.), всѣ спали, все было темно... только въ покойницкой былъ слабый свѣтъ... я поняла, что все кончено...“ (19.I.07).

Я привожу этотъ человѣческій документъ, не нуждающійся въ комментаріяхъ, не какъ описаніе исключительнаго случая, а какъ обычное отношеніе Королевы къ страждущему человѣчеству.

Какъ я сказалъ раньше, русскіе корабли доставляли Королевѣ Ольгѣ Константиновнѣ много радости, и приходъ ихъ въ Грецію былъ всегда праздникомъ для Нея. Вотъ какъ Она описываетъ приходъ и пребываніе Гардемаринскаго Отряда въ Пиреѣ:

„9.XII.1907 Третьяго дня нашъ Гардемаринскій Отрядъ вошелъ въ Эгейское море, 21-го декабря онъ долженъ быть въ Пиреѣ. Вотъ радость!“

„26.XII.07. Сколько я видѣла моряковъ эти дни, просто сердце радуется! Сперва у меня былъ адмиралъ, потомъ онъ представлялся Королю со штабомъ, и я тутъ была! А вчера послѣ завтрака мы изъ окна видѣли множество матросовъ, направляющихся ко дворцу. Марія Николаевна (М. Н. Баулина, камеръ-фрау Королевы, служившая при Ней около 50 лѣтъ. М. Г.) пошла имъ навстрѣчу и привела ихъ въ большую залу, куда я къ нимъ пришла, поздоровалась, поздравила и потомъ мы стали болтать, такъ хорошо и уютно; ихъ было человѣкъ 60-70, а можетъ быть и больше. Когда я отъ времени до

времени посматривала въ лорнетку (Королева была очень близорука. М. Г.), то видѣла вокругъ себя все добрыя, ласковыя, улыбающіяся лица. Потомъ они смотрѣли комнаты и я еще съ ними болтала въ «Морской комнатѣ», а за первыми все прибывали все новыя и новыя «парти»; а сегодня ихъ привалило еще больше; я спрашивала одного квартирмейстера (унт.-офицеръ. М. Г.), сколько ихъ можетъ быть, онъ думалъ, что около двухсотъ. Сегодня я имъ раздавала сельско-хозяйственныя книжки“.

Въ поясненіе, что такое „Морская комната“, слѣдуетъ сказать, что у Королевы во дворцѣ была отведена особая комната, представляющая собою Морской музей, въ которомъ находились подарки отъ моряковъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ: тутъ были подарки отъ цѣлыхъ кораблей и экипажей, подарки отдѣльныхъ офицеровъ и матросовъ, картины хорошихъ художниковъ-маринистовъ (Айвазовскаго, Гриценко, Бѣлкина и др.), модели русскихъ кораблей, начиная отъ художественно исполненныхъ до примитивныхъ самодѣльныхъ матросской работы, модели морскихъ машинъ, сдѣланныя матросами-машинистами на корабляхъ, альбомы съ фотографіями офицеровъ и матросовъ, группы, фотографіи отдѣльныхъ кораблей и эскадръ, снаряды, масса лентъ съ матросскихъ фуражекъ, меню обѣдовъ на судахъ, на которыхъ присутствовала Королева, программы матросскихъ спектаклей, книги, касающіяся флота, закладныя доски кораблей и т. д. Королева очень любила показывать свою „Морскую комнату“, въ особенности морякамъ, гордясь ею,

Продолжая описаніе посѣщенія дворца матросами Гардемаринскаго Отряда, Королева рассказываетъ:

„...Когда они (матросы) меня обступили кольцомъ, у насъ начался уютный разговоръ. Какая разница въ нихъ, когда они у меня по-просту со мною

болтають, и на суднѣ, гдѣ они ошалѣваютъ, подходя, потому что ихъ учатъ цѣловать руку, на мѣсто того, чтобы имъ предоставить дѣлать, какъ хотятъ, и выходятъ пресмѣшныя «казусы».

А „казусы“ эти бывали часто такіе: на матросской елкѣ на Рождествѣ, когда Королева раздавала матросамъ подарки, ихъ заранее обучали цѣловать Королевѣ руку, получивши отъ Нея подарокъ; многіе шалѣли и, получивъ пакетъ съ подаркомъ, благоговѣнно прикладывались къ этому пакету.

Далѣе Королева, подводя итоги этихъ матросскихъ посѣщеній, пишетъ:

„...Послѣ такихъ посѣщеній у меня на душѣ такъ тепло и хорошо! И всѣ комнаты наполнены русскимъ духомъ, пахнетъ сапогами и русскимъ сукномъ; когда они стоятъ вокругъ меня, на сердцѣ становится радостно!.. И подумашь, что столько людей стараются портить этотъ народъ, вселяя въ нихъ какія то дикія понятія, злобу, ненависть, а, кажись, что ихъ не трудно направить на все хорошее, такъ какъ по природѣ они добрые и ласковые. Команды этого Отряда ведутъ себя отлично — адмиралъ и командиры очень довольны ими“.

Черезъ нѣсколько дней Королева продолжаетъ свое описаніе пребыванія Отряда:

„Я наслаждаюсь эти дни и купаюсь во всемъ морскомъ. Наслаждаюсь присутствіемъ дорогой эскадры, которая завтра, увы, уходитъ въ бухту Мармарна, за островомъ Родосъ, гдѣ полнѣйшая тишина и уединеніе, очень подходящее мѣсто для занятій съ гардемаринами и ученій; тамъ будутъ стрѣлять новыми снарядами, которые должны разрываться при прикосновеніи къ водѣ; дай Богъ, только, чтобы все прошло благополучно“.

„Въ воскресенье мы опять провели полъ дня на эскадрѣ, отъ 3-хъ до 11 час., сперва была елка на

линейномъ корабль «Слава» (700 чел. команды), обѣдъ и «Женитьба» Гоголя, сыгранная очень хорошо матросами. Въ понедѣльникъ мы навѣстили «Богатырь». Вчера, 1-го января, мы ѣздили, какъ это принято, въ Новый Годъ, въ соборъ, потомъ принимали поздравленія до 3/4 перваго... Изводъ! А послѣ этого на моей улицѣ былъ праздникъ: я болтала съ «ангелами» отъ 2-хъ почти до 5 час., показывала имъ комнаты, снимала ихъ на балконѣ и записывала, по ихъ желанію, ихъ фамиліи, раздавала имъ сельско-хозяйственныя книжки и книжки «Георгіевскимъ кавалерамъ» и мы долго, долго и уютно разговаривали“...

5 января 1908 г.: „Гардемаринскій Отрядъ ушелъ 3-го (въ четвергъ). Я смотрѣла, какъ уходили наши дорогіе корабли...“

Въ Русскомъ Флотѣ Королева Ольга Константиновна числилась Шефомъ 12-го Флотскаго Экипажа. Съ уничтоженіемъ береговыхъ экипажей, Государь предложилъ Королевѣ быть Шефомъ одного изъ Гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ; Королева отвѣтила Государю, что Она, конечно, сочтетъ за счастье принять Шефство надъ каждымъ русскимъ полкомъ, но Ей было бы пріятнѣе быть Шефомъ „хоть самой маленькой, но морской шлюпки“, дабы не порывать связи съ роднымъ флотомъ, который Она любитъ и знаетъ съ дѣтства. Государь ничего на эти слова не отвѣтилъ, но улыбнулся Своею доброю, очаровательною улыбкой; повидимому, у Него явилась новая мысль.

23 августа 1908 г. Королева пишетъ:

„Вчера мнѣ были радость и горе... такъ грустно, что я рассталась съ моимъ Экипажемъ, послѣ 29 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ — я его такъ любила!!! Но я убѣждена, что новый порядокъ (уничтоженіе береговыхъ экипажей) на благо Флота и стараюсь успо-

коиться и утѣшиться, стыдясь, что личныя чувства занимають столько мѣста“...

Это письмо еще не было окончено, какъ Королева получила извѣщеніе о назначеніи Ея „Шефомъ личнаго состава крейсера «Адмиралъ Макаровъ»“. Вотъ что Она пишетъ по поводу этого назначенія, продолжая только что начатое письмо:

„Благодарю Бога и нашего дорогого земного Царя, что вещественная связь съ Флотомъ не порвана и что я остаюсь Шефомъ личнаго состава крейсера «Адмиралъ Макаровъ». Приказъ появился вчера утромъ, но мнѣ его не прислали и я ничего не знала и узнала, получивъ телеграмму объ этомъ отъ командира крейсера кап. 1 ранга Пономарева, потомъ телеграмму Морского Министра и, наконецъ, отъ Самого Государя. Страшно волновалась весь день“...

Это назначеніе доставило Королевѣ огромное удовольствіе и радость. Въ бытность Королевы Шефомъ 12 и 2-го Флотскихъ Экипажей, Ей во время Ея пребыванія въ Россіи всегда, по уставу, приносили во дворецъ Знаменный флагъ (знамя) Ея Экипажа. Этотъ приносъ знамени всегда очень волновалъ Королеву. Вотъ что по этому поводу Она писала 14 ноября 1906 г.:

„Завтра мнѣ приносятъ Знамя моего экипажа... у меня уже теперь сердце замираетъ при одной мысли объ этомъ... Оно будетъ стоять въ большой залѣ у камина...“

Спустя 10 дней, 24 ноября, Она пишетъ:

„Десять дней здѣсь стоялъ Знаменный Флагъ моего Экипажа — я такъ была счастлива; сегодня его взяли: послѣзавтра въ Царскомъ Селѣ Георгіевскій праздникъ — мнѣ до слезъ было жаль расставаться съ нимъ“.

Вообще къ Андреевскому флагу Королева всегда относилась съ величайшимъ благоговѣніемъ, какъ къ

святынь. Я помню, какъ Она была потрясена до глубины души сдачей отряда адмираломъ Небогатовымъ въ Цусимскомъ бою. Когда въ февралѣ 1906 года начался судъ надъ Небогатовымъ, Королева лихорадочно слѣдила по газетамъ за процессомъ и, прѣзжая въ Пирейскую больницу (гдѣ я лежалъ послѣ раненія въ Портъ-Артурѣ), Она дѣлилась со мною своими мыслями по поводу процесса. Отношеніе Королевы къ русской чести ярко выразилось въ слѣдующемъ случаѣ. Въ больницѣ мнѣ пришлось разговаривать съ прѣзжавшей туда Королевой; разговоръ, конечно, коснулся послѣднихъ военныхъ событій и Королева, обсуждая обстоятельства сдачи нашихъ кораблей, воскликнула: „*Какъ Небогатову могла придти въ голову такая ужасная мысль?*“ На это я отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, самъ Морской Уставъ вкладываетъ въ голову эту мысль, такъ какъ возможность сдачи кораблей неприятелю во время боя совершенно опредѣленно предусмотрена въ статьѣ 354 этого Устава, гдѣ даже перечислены случаи, когда разрѣшается во избѣжаніе „безполезнаго кровопролитія“ сдать корабль и что адмиралъ Небогатовъ былъ воспитанъ именно на этомъ Уставѣ.

Королева не хотѣла вѣрить этому и попросила меня дать Ей мой Уставъ. Прочтя статью 354, Она воскликнула съ негодованіемъ: „*Эта статья — позоръ!*“, потомъ взяла перо и вычеркнула всю статью 354, оставивъ только ея начало, гласящее: „Во время сраженія командиръ подаетъ примѣръ мужества и продолжаетъ бой до послѣдней возможности“, и собственноручно добавила: „**Андреевскій флагъ не спускается и русскія суда не сдаются**“.

Впослѣдствіи Комиссія по пересмотру Морского Устава измѣнила статью 354 именно въ томъ смыслѣ, что возможность сдачи судовъ неприятелю

инструкции и вообще руководствуются правилами изложенными въ положеніи о призахъ и ренризахъ. Если же командиръ вынужденъ будетъ истребить призовое судно, объ этомъ составляется за подписью командира и всѣхъ офицеровъ актъ, который, при первой возможности, препровождается къ начальству. Передъ истребленіемъ приза, съ него снимаются команда и по возможности вещи.

354. Во время сраженія командиръ подаетъ примѣръ мужества и продолжаетъ бой до послѣдней возможности. (Во избѣжаніе бесполезнаго кровопролитія, ему разрешается, по воле шлага, какъ съ общаго согласія всѣхъ офицеровъ, сдать корабль въ нижеслѣдующихъ случаяхъ: 1) если корабль будетъ такъ пробитъ, что нельзя одолѣть течи и онъ видимо начинаетъ тонуть, 2) если всѣ заряды и снаряды истрочены, артиллерія сбита и вообще способы обороны истощены, или потеря въ людяхъ столь значительна, что сопротивленіе окажется совершенно невозможнымъ; и 3) въ случаѣ пожара, котораго нельзя погасить своими средствами, и если притомъ, во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, не будетъ возможности истребить корабль и исцать спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ. Во

*Истребленіе приза не считается
и ренризомъ суда не считается.*

не допускается ни въ какихъ случаяхъ. Такъ поступали наши корабли въ великую войну.

Этотъ историческій Уставъ съ надписью Королевы хранится у меня.

Въ концѣ февраля Королева заболѣла и въ обѣщанный день не смогла пріѣхать въ больницу, а написала мнѣ по дѣлу Небогатова слѣдующія строки:

„Прочли ли вы въ «Новомъ Времени» за 10 и 11 февраля оправданія Небогатова? Какой ужасъ! Пусть онъ правъ, обвиняя Морское Министерство въ неудовлетворительномъ снабженіи своей эскадры какъ людьми, такъ и припасами, вооруженіемъ и проч., а адмирала Рожественскаго въ неуспѣшномъ управленіи морскими силами, но утверждение, что «не стоило погибать за Андреевскій флагъ той Россіи, представителю которой обрекли его на вѣрную гибель» — развѣ это не отвратительная гадость! И что стало съ русскими людьми? Какъ они дошли до извращенія понятій!?

Развѣ можетъ Андреевскій флагъ быть представителемъ тѣхъ или другихъ людей, временами достойныхъ, временами нѣтъ?»

„Андреевскій флагъ является искони священнымъ символомъ самой Россіи, такой, какой она должна быть — идеальной Россіи, не зависящей отъ мѣняющихся обстоятельствъ. Униженіе Андреевскаго флага — униженіе Россіи. Надо жить на чужбинѣ, чтобы понять все значеніе своего родного флага, его неприкосновенность и нерушимость и испытать ту болѣзненную привязанность къ этой „тряпочкѣ“, къ внѣшней оболочкѣ того символа, ради котораго

люди идутъ на смерть съ легкимъ сердцемъ и беззавѣтно жертвуютъ собою“.

Великія слова великой русской патріотки...

Такой и останется въ памяти личного состава Россійскаго Императорскаго Флота Королева Эллиновъ Ольга Константиновна!

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL



RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DF832

.A2

G37

1937

ИЗДАНИЕ КАЮТЪ-КОМПАНИИ ВЪ ПРАГЪ.

Chudomef - Hostivat.